

Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму

Ломакина Ирина Борисовна,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербургский юридический институт)
E-mail: lomakina731@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания и познания правовой действительности с точки зрения осмысления тенденций развития гуманитарного знания вообще и правового знания в частности. Указывается на ограниченность классических подходов и необходимость их методологического обновления. Выявляется связь права с социокультурным контекстом, обуславливающим его специфику. Социальная действительность — сложная многомерная и многослойная система, состоящая из множества социальных институтов (конструктов). Все социальные институты, в том числе в сфере правовой жизни, носят интерсубъективный (одновременно объективный и субъективный) характер. Процесс формирования правовых знаний рассматривается в институциональном, а также близких ему направлениях — дискурс-анализе и теории социальных представлений. В статье, утверждается то, что конструирует человек, содержит субъективное и объективное одновременно, и в социологической феноменологии такое сочетание именуется как интерсубъективность. Интерсубъективность рассматривается в терминах человекомерности, которая, выступает как бы фильтром между людьми и условной объективной ситуацией. Ей сопутствуют субъективные переживания, такие как ожидания, потребности, интересы и т.п. Отмечается, что объективное и субъективное существуют в неразрывной диалектической связи. Утверждается, что и познание этой действительности — процесс сложный, включающий в себя институциональные акты познания и понимания. Особое значение в этом процессе отводится объективации, интернализации и легитимации. При этом именно легитимация имеет когнитивный и нормативный аспекты, поскольку связана с ценностной и когнитивной (знание, понимание) подсистемами сознания. Указывается на связь символического универсума с правовой жизнью.

Ключевые слова: правовая действительность, правовая жизнь, социо-культурный контекст, картина мира, правовые ценности, правовые институты, мифологемы, легитимация, символический универсум.

Постижение правовой действительности связано с пониманием и познанием. В европейской теории познания можно выделить две традиции. Первая — картезианская (абстрактно-гносеологическая, рассудочно-рациональная). Ее научное кредо сводится к логически рассудочным построениям типа субъект-объектные отношения, где знание выводится или отражается. Идеальные конструктивные образования, идеал-конструкты, здесь должны логически выводиться и вписываться в целое, то есть в теорию. Целостность, логическая связанность и непротиворечивость, выводимость содержания из исходного основания понятий и утверждений по логико-методологическим правилам и принципам предопределили один путь осмысления реальности, в том числе действительности правовой. Данная традиция уходит корнями в античную философию и апогея достигает в XIX в. Творческое наследие Э. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса яркое тому подтверждение. Позже феноменология Гуссерля, критический

рационализм Поппера аналитические концепции познания развивают и дополняют ее новыми идеями и теоретическими построениями.

Вторая традиция — экзистенциально-антропологическая. В классическом смысле ее лишь отчасти можно считать научной. Эта традиция апеллирует к чувственному восприятию мира и постижению реальности посредством метафорических образов. Ее понятийный аппарат отличается от строгих логических построений и схем, он отчасти эпатажен и образен. Он схож с языком устного народного творчества. Наставительный (по Р. Рорти) характер, отказ от системности — кредо второй традиции. К числу представителей этой традиции можно отнести М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Ж. Дерриду.

В рамках этих двух обозначенных традиций можно выделить ряд подходов — феноменологический, герменевтический, синергетический. Стоит также особо отметить и лингвистический подход (поворот). Он сместил акценты с классического понимания познания на понимание

значения (интерпретации) познаваемого. Практики деконструктивизма и постмодернизма, а также эволюционная эпистемология существенно расширили и обогатили теорию познания, при этом если не «похоронив», то, по крайней мере, «лишив жизненной энергии» ее классические концепты и конструкты. Досталось и самому понятию «теория». М. Хайдеггер в свое время указывал, что понимание теории как «оберегающей внимание к истине»¹ неудобоваримо, так как это предполагает рассмотрение действительности в позиции предметного противостояния.

Рассматривая проблему познания действительности, в том числе в сфере права, стоит особое внимание уделить проблеме легитимации этого полученного рациональным способом знания. Вооружившись соответствующим инструментарием («фонарь, освещающий путь» — Ф. Бэкон), ученые возложили тяжелую поклажу на свои «хрупкие академические плечи», полагая, что смогут написать непротиворечивую картину мира, логически выведенную из «человеческого разума», «природы вещей», «детерминанта развития», «материальных условий жизни» и проч.

Научное сообщество в этот длительный (с точки зрения человеческой жизни) и короткий (с точки зрения мировой истории) период создало огромное множество научных теорий, претендовавших и претендующих на некое универсальное знание законов человеческого бытия, включающего понимание функционирования экономики, политики и права. Классическая наука, легитимируя полученное знание, формировала различные образы, идеи, символы и ценности, вписывая их в заранее заданную, определенную картину мира. Нетрудно догадаться, что эта картина мира связана с научно-техническим прогрессом. И именно научно-технический прогресс является в ней главным источником вдохновения, средством и целью. Научно-технический прогресс — процесс, связанный с совершенствованием технологий и формированием особой инфосферы, базовыми категориями которой выступали концепты абсолютности и объективности времени, линейности пространства, логической причинности (детерминанты развития).

Классическая академическая картина мира, предполагала осмысление антиномий «сущее — должное», «бытие — сознание», «холизм — индивидуализм», породив соответствующие образы в ментальной картине мира тех, кому они были адресованы, подчас будоража различные чувства — индивидуализма, сопричастности, прагматизма, альтруизма, веры, неверия

и даже любви или ненависти. Аксиоматический принцип классической науки легитимировал различные постулаты, тиражируемые по всем советским учебникам: «Учение Маркса всесильно, потому что верно». То же самое можно сказать и о либеральных теориях, претендующих на некие гуманизм и открытость миру. Их фундаментализм о свободе и естественных правах тоже не в меньшей, а может, и в большей степени восхищают прямолинейностью и идеологической ангажированностью, особенно если речь идет о неевропейских народах или тех, чей жизненный путь оказался не столь успешным в технологическом освоении природного пространства.

Таким образом, классический подход к пониманию действительности аксиоматичен и идеологичен. Изменяющийся мир, который метафорично обозначается и означает как мир третьей волны (Э. Тоффлер), постиндустриальный (Д. Белл), сетевой (М. Кастельс), предлагает, одновременно разрушая стереотипы тотального господства классических парадигм, новое осмысление изменяющейся реальности, не вписываемой в общепринятые понятия, схемы и термины и не выводимой из какого-либо начала (собственности, продукта, разума или Духа).

К чему, казалось бы, такие далекие рассуждения об эпистемологических трансформациях гуманитарной науки? И какое отношение эти рассуждения имеют к легитимации социальных феноменов, в частности права? Самое непосредственное, поскольку исходным методологическим посылом современной гуманитарной науки является Человек. Человек, по образному выражению Э. Фромма, «и творец, и предмет своего искусства; он — и скульптор, и мрамор; и врач, и пациент»². Человек, изменяя себя, изменяет свой социокультурный контекст (актуальную и потенциальную реальность), что, в свою очередь, изменяет самого человека. И этот процесс непрерывен в прерывистом «танце жизни».

Человек будучи в различных статусах и различных отношениях напрямую связан с культурой, которая выступает содержанием его социальности. Осмысление и объективирование (знаковое, символическое) связано с системой ценностей и институтов. И научное сообщество является носителем, творцом, а также транслятором тех или иных ценностей (идеологом и мифологом). Отсюда контекстуально обусловленный процесс познания, знание и его воспроизводство научным сообществом напрямую связан с легитимацией. Избавление от тех или иных идеологических (ценностных) предпочтений в рамках классической научной

¹ Хайдеггер М. Наука и осмысление. М., 1993. С. 244–245.

² Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 25, 44.

картины мира теми, кто совершил идеологический кульбит — от марксистских конструкций к либеральным моделям, кто чудесным образом превратился в «беспристрастных оракулов», утверждающих теперь, что наука стала чистой, с глубоким гуманистическим содержанием, лишенным всяческого идеологического смысла, не сделало ни ученых, ни науку менее идеологической.

Освобождение постсоветской гуманитарной науки классического толка от холистической идеологии и переход к индивидуализму не означает ее идеологического освобождения, поскольку легитимация знания, в том числе научного, связана, как упоминалось выше, с системой ценностных представлений, в том числе об идеальном, желаемом, должном. Последние напрямую связаны с исповедуемыми ценностями, разделяемыми и признаваемыми в качестве социально значимых и социально выверенных масштабах желаемого.

Таким образом, холизм и индивидуализм связаны с определенным типом исторического опыта и его легитимацией в социальных практиках, в том числе практике научной.

Классически ориентированная гуманитарная академическая практика исходит из того, что ценности культуры априорно универсальны, вечны и незыблемы. Они — светоч, на котором зиждется вся мировая цивилизация. Под маской научной нейтральности и объективности, а также истинности и рационализме выстраиваются идеальные модели, в одном случае холистическая идеология порождает коммунистическое общество с приматом коммунистической морали, во втором (индивидуалистическая идеология) — правовое государство с верховенством права.

Даже при поверхностном взгляде на представленные модели обнаруживается идеологический перекосяк в левую или правую сторону.

Вряд ли стоит утверждать, что этот перекосяк свидетельствует о намеренном обмане ученых, творивших и творящих в рамках классической научной картины мира. Среди серьезных мыслителей намеренный обман встречается довольно редко. Впрочем, представляется, что и в долгосрочной перспективе обман играет намного меньшую роль, чем те ориентиры, которые навязывает сама мысль вследствие собственной структуры и социо-культурного контекста, породившего ее.

Динамично изменяющийся социокультурный контекст заставляет реагировать и по-новому осмысливать социальные феномены, которые не то что не вписываются в «единственно верную» систему координат, но и подчас опровергают сами координаты и шкалу их измерения. Таким образом, как справедливо

полагает И.Л. Честнов, «...трансформируются основания социального бытия и представления о нем как о «моменте» самого бытия. В связи с этим изменяется подход к ценностям вообще и ценности права в частности». Он отмечает, что изменения связаны с признанием многомерности социального бытия (социальной реальности), включающего не только поведенческую, но и знаково-символическую познавательную (когнитивную) и аксиологическую стороны или аспекты. Таким образом, ценности входят важной составляющей как в социальное бытие, так и в его познание. Поэтому право и его восприятие (а одно не существует без другого — бытие права невозможно вне и без его социального образа — представления) ценностно нагружены³.

Это, в свою очередь, подвергает сомнению классические утверждения априорности культурных ценностей вообще и правовых в частности. Идеи классического понимания ценностей достаточно хорошо известны (М. Шелер, Э. Гартман, Г. Риккерт)⁴. Отметим лишь то, что является доминантой классических рассуждений. Так, Г. Риккерт утверждает, что единство и объективность наук о культуре обусловлены единством и объективностью нашего понятия культуры, а последнее, в свою очередь, — единством и объективностью ценностей⁵. Человек в классическом звучании — «место встречи бытия с Богом» (М. Шелер), при этом человеческое начало в человеке определяется тем, что выходит за пределы его биологической и социальной жизни, то есть вечный божественный Дух, который «осуществляется в человеке и через человека в порыве мировой истории, а «оживотворение» духа есть цель и предел конечного бытия и прогресса»⁶. Из вышеизложенного следует, что духовность человека как сфера восприятия и реализации ценностей не сводится к психике, мышлению, познанию, а имеет трансцендентный источник.

Апелляция к трансцендентному источнику выглядит, может, и заманчиво, но научно неубедительно, по крайней мере, сегодня. Поскольку, как показывает практика, люди ни

³ Честнов И.Л. Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 7.

⁴ Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А.В., Малинкина А.Н., Филлипова А.Ф. М.: «Гнозис», 1994. С. 299–302; Гартман Н. Эстетика / Пер. с нем. Киев: «Ника-Центр», 2004. С. 454–456; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: «Республика», 1998. С. 59.

⁵ Риккерт Г. Указ. Соч. С. 59.

⁶ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: «Прогресс», 1988. С. 76, 94.

индивидуально, ни коллективно не могут одинаково реагировать на окружающую их реальность таким же образом, как одно химическое вещество реагирует на другое, когда их смешивают в пробирке. Можно смело предположить, что время классических парадигм с их столь же классической (холистической, индивидуалистической) идеологической составляющей уходит в небытие истории.

Однако это не означает конца науки вообще и ее идеологической составляющей в частности. Их новое качество, как, собственно говоря, и форма выражения, порождают новые ракурсы осмысления социокультурных феноменов, но уже с новых позиций — человекомерности (И.Л. Честнов), включающей в себя объективное и субъективное одновременно. Субъект-объектные отношения сменяют субъект — субъектные отношения, включающие в себя и субъект-объектные. И.Л. Честнов, апеллируя к знаменитому тезису Ж.-Ф. Лиотара о том, что современность — это недоверие к метанарративам, утратившим сегодня свое легитимирующее значение, отмечает, что право — это сложный, многогранный феномен и наше знание о праве (как и любом социальном явлении) всегда неполно, относительно. Отсюда вывод, что любая гуманитарная наука по определению полипарадигмальна⁷.

Рассмотрим процесс формирования правовых знаний в институциональном, а также близких ему направлениях дискурс-анализа и теории социальных представлений. Итак, человек — творец мира. Все, что конструирует человек, содержит субъективное и объективное одновременно, в социологической феноменологии — интерсубъективность. Это понятие может рассматриваться в терминах человекомерности, которая является фильтром между людьми и условной объективной ситуацией. Ей сопутствуют субъективные переживания (ожидания, потребности, интересы и т.п.). Объективное и субъективное существуют в неразрывной диалектической связи. Формирование социальных институтов, в том числе и правовых, связано с экстернализацией и объективацией — двумя моментами непрерывного диалектического процесса. Третьим моментом является интернализация (посредством нее объективированный социальный мир переводится в сознание в процессе социализации)⁸. В то же время институциональному миру требуется

легитимация как способ объяснения и оправдания. Поэтому легитимация может и должна рассматриваться в контексте институционального процесса.

Объективация, интернализация, а также легитимация непосредственно связаны с формированием знания. Опыт, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, становится «осажденным (седиментированным), то есть застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности»⁹. Такую седиментацию можно назвать социальной тогда, когда она текстуально (в расширительной трактовке) объективирована знаками и символами. Объективация знаний осуществлялась у разных народов по разным сценариям. У каждого народа исторически формировалась своя семиотическая система с разной долей доминирующих в ней элементов. Так, например, у бесписьменных культур объективация накопленного опыта осуществлялась преимущественно в символической форме, в отличие от письменных.

Ю.М. Лотман полагал, что в бесписьменных обществах через символическую, образную систему (то есть неспецифические, устные тексты. — И.Л.) народ передавал коллективную память потомкам о законах и обычаях предков, так как бесписьменная культура ориентирована не на умножение числа (письменных. — И.Л.) текстов, а на повторное воспроизведение раз и навсегда данного (устных текстов. — И.Л.). Следовательно, наличие или отсутствие письменности как определенной коммуникативной системы зависит не от уровня цивилизации, а от ее структуры и ориентации¹⁰.

Решающим фактором в процессе объективации коллективного опыта было формирование языка. П. Бергер и Т. Лукман усматривали в языке одно из эффективных, объективирующих седиментированный опыт средств. Язык становится сокровищницей огромной массы коллективных седиментаций, которыми можно овладеть монотетически, то есть в качестве целостной совокупности, и без реконструкции первоначального процесса их формирования¹¹.

Механизмы объективации зависят от типа и характера культуры. Объективированные текстуально любые должностования информативны и обнаруживают себя вербально и невербально в социальной практике. В этом аспекте они выступают как социальный язык, благодаря которому участники общественных отношений получают необходимые сведения

⁷ Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 101.

⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 102.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2004. С. 365–366.

¹¹ Бергер П., Лукман Т. Указ соч. С. 114.

о социально выверенных, правильных моделях поведения.

Социальное признание текстов осуществляется в процессе коммуникации через легитимацию — способ объяснения и оправдания нужной информации. Она объясняет институциональный порядок, придает когнитивную обоснованность текстуально объективированным значениям (знаниям).

П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что легитимация имеет когнитивный и нормативный аспекты¹². Другими словами, легитимация связана с ценностной и когнитивной (знание, понимание) подсистемами сознания. Объективированная (текстуально организованная) информация является составной частью правовой системы.

Легитимация в этом аспекте может быть раскрыта через смыслокоммуникацию, включающую два блока: информационную и поведенческую¹³.

Легитимация связана со знанием человека о его месте, роли в обществе и правилах поведения в этом обществе, а также о соответствующих этому обществу ценностях. Знание предшествует ценностям в процессе легитимации, полагают П. Бергер и Т. Лукман. Это утверждение социальные феноменологи подкрепляют аналитически, выводя различные уровни легитимации, которые на практике, конечно же, пересекаются¹⁴.

Зачатки легитимации П. Бергер и Т. Лукман вполне обоснованно усматривают в передаче лингвистических объективаций (текстуально оформленной информации) от поколения к поколению. Например, передача словарного запаса той или иной родственной группы легитимирует *ipso facto* структуру родства. Фундаментальные объяснения легитимации встроены в словарный запас. Так, ребенок, узнав, что другой ребенок — его двоюродный брат, формирует свое поведение по отношению к нему¹⁵.

Этот уровень П. Бергер и Т. Лукман считают дотеоретическим. Но именно он является основой «самоочевидного знания», на котором должны строиться все последующие теории, и наоборот — это уровень, которого должны достичь все теории, чтобы быть включенными в традицию¹⁶.

Второй уровень легитимации содержит, по П. Бергеру и Т. Лукману, теоретические утверждения в зачаточной форме. Здесь можно обнаружить, утверждают они, различные объяснительные схемы относительно ряда объективных значений (знаний. — И.Л.). Эти схемы непосредственно связаны с конкретными действиями: пословицы, народная мудрость, сказки, легенды, поэмы, передаваемые в поэтической форме¹⁷.

Третий уровень легитимации содержит уже теоретические концепты, выраженные в терминах дифференцированной системы знания. Легитимации предусматривают хорошо понятные системы отсчета для соответствующих секторов институционализированного поведения. Из-за их сложности и специализации, полагают исследователи, они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения. Так, может существовать сложная теория «двоюродного родства», определяющая права и обязанности и стандартные процедуры действия. Знаниями в этой области распоряжаются старейшины клана. Они иницируют молодежь и передают им свои знания в процессе осуществления соответствующих ритуалов¹⁸.

Четвертый уровень легитимации, по П. Бергеру и Т. Лукману, составляют символические универсумы. Это особые системы теоретических традиций, впитавших различные области значений (знаний) и включающих институциональный порядок во всей его символической целостности. Символизм в этом значении используется как процесс сигнификации (обозначения), имеющий отношение к реальности, отличной от реальности повседневной жизни. Символический универсум выступает здесь как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений (знаний)¹⁹.

Не вызывает сомнения, что традиционные представления о праве, так же вытекающие из мифологического понимания мира, где боги и люди слиты в одном пространстве и времени, есть не что иное, как продукт символического универсума. Отсюда и утверждения, что законы не создаются человеком и не являются постановлениями народов, они есть божественный разум. Данный тип мышления оперирует в рамках исправленного континуума между человеческим миром и миром богов, формирующегося посредством символического универсума. Легитимация в форме символического

¹² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 153.

¹³ Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. С. 596.

¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 154.

¹⁵ Там же. С. 154.

¹⁶ Там же. С. 154–155.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 156.

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 158.

универсума обеспечивает безопасность и сплоченность в коллективе, так как все бытие предопределено божественным проведением, отсюда идея родовой кармы у восточных народов и божественной кары — у западных народов: «За нарушение права да будет кара!»²⁰.

Легитимация посредством символического универсума связывала всю социальную практику народа в единое целое, включая прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому формировался архив, содержащий для всех членов коллектива своеобразный банк данных, благодаря которому индивид мог планировать действия в соответствии с общепринятыми шаблонами. Вот почему символический универсум функционировал как образец превращения хаоса в космос, то есть превращения беспорядка в порядок.

Легитимация как институциональная стадия закрепления и признания знаний (определенных моделей) напрямую связана с ценностной системой, которая всегда испытывает на себе бремя времени. Это дает основание считать, что право как содержательная категория воспроизводит в сознании индивида и коллектива в целом те ценности, выраженные через должноствоания, которые, словно луч прожектора, высвечивают должное, то есть то, что должно быть, и то, что необходимо устранить. Ценности — это некие субъективные установки, служащие разумному, правильному устройству действительности, и, как правило, имеют коллективную направленность. Они отражают опыт народа, его дух, идеалы и стремления. Ценностные установки рассматриваются как некие формы добра, правды, справедливости.

Таким образом, можно констатировать, что легитимация знаний о социально значимых моделях поведения связана с социокультурным контекстом. Каждый новый социокультурный контекст порождает свою легитимацию знаний, так как последняя связана с научной традицией, культурой, системой ценностей и ментальностью. Классические подходы к пониманию правовой действительности выглядят давно неубедительно. Отказ от монизма, расширение горизонтов познаваемого, в нашем случае правовой жизни во всем многообразии ее социокультурных форм, как и самого познания (способов, методов, стилей), является более продуктивным основанием постижения правовой действительности.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Гартман Н. Эстетика / Пер. с нем. Киев: «Ника-Центр», 2004.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2004.
4. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменологический коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: «Республика», 1998.
6. Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
7. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
8. Хайдеггер М. Наука и осмысление. М., 1993.
9. Честнов И.Л. Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4).
10. Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А.В., Малинкина А.Н., Филлипова А.Ф. М.: «Гнозис», 1994.
11. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: «Прогресс», 1988.

²⁰ Там же. С. 182.

Comprehension of Legal Reality: from the Scientific Tradition to the Symbolic Universe

Lomakina Irina,

PhD, Full Professor, Saint-Petersburg law institute (branch)
of Federal Establishment of Higher Education
University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation,
Department of theory and history of state and law
E-mail: lomakina7311@gmail.com

Abstract. *The article deals with the problem of understanding and knowledge of legal reality, from the point of view of understanding the trends of development of humanitarian knowledge in General and legal knowledge in particular. The limitations of classical approaches and the need for their methodological updating are pointed out. The connection of law with the socio-cultural context that determines its specificity is revealed. Social reality is a complex multidimensional and multilayered system consisting of many social institutions (constructs). All social institutions, including in the sphere of legal life, are intersubjective (both objective and subjective). The process of formation of legal knowledge is considered in the institutional and related areas of discourse analysis and theory of social representations. The article states that what a person constructs contains subjective and objective at the same time and in sociological phenomenology such combination is called as intersubjectivity. Intersubjectivity is considered in terms of human dimension. Human dimension acts as a filter between people and a conditional objective situation, which is accompanied by subjective experiences, such as expectations, needs, interests, etc. it is Noted that the objective and subjective exist in an indissoluble dialectical connection. It is argued that the knowledge of this reality is a complex process, which includes institutional acts of knowledge and understanding. Special importance in this process is given to objectification, internalization and legitimation. At the same time, it is legitimation that has cognitive and normative aspects, since it is connected with the value and cognitive (knowledge, understanding) subsystems of consciousness. The connection of the symbolic universe with the legal life is pointed out.*

Key words: *legal reality, legal life, socio-cultural context, world view, legal values, legal institutions, mythologems, legitimation, symbolic universe.*

References

1. Berger P., Lukman T. *Soczial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya.* Moscow, 1995.
2. Gartman N. *E'tetika / Per. s nem.* Kiev: «Nika-Czentr», 2004.
3. Lotman Yu.M. *Vnutri my'slyashhikh mirov // Semiosfera.* Saint Petersburg, 2004.
4. Polyakov A.V. *Obshhaya teoriya prava: Fenomenologo-kommunikativny'j podkhod: Kurs lekczij. 2-e izd., dop.* Saint Petersburg, 2003.
5. Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture.* Moscow, «Respublika», 1998.
6. *Socziokul'turnaya antropologiya prava: Kollektivnaya monografiya / Pod red. N.A. Isaeva, I.L. Chestnova.* Saint Petersburg: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2015.
7. Fromm E'. *Chelovek dlya sebya.* Minsk, 1992.
8. Khajdegger M. *Nauka i osmy'slenie.* Moscow, 1993.
9. Chestnov I.L. *Czennost' prava v postklassicheskom izmerenii // Rossijskiy zhurnal pravovy'kh issledovanij.* 2015. No. 3(4).
10. Sheller M. *Izbranny'e proizvedeniya / Per. Denezhkina A.V., Malinkina A.N., Fillipova A.F.* Moscow, «Gnozis», 1994.
11. Sheller M. *Polozhenie cheloveka v kosmose // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody'.* Moscow, «Progress», 1988.